

УДК 811.161.1

«ТРИКСТЕР» КАК ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**И. В. Чекулай
О. Н. Прохорова**

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru

Понятие языковой личности предполагает её сложную структуру, объединяющую индивидуальные психологические параметры личности и его языковую и речевую компетенцию. Одной из составляющих этой сложной структуры является лингвопсихологический тип. В статье рассматриваются особенности трикстера как лингвопсихологического типа.

Ключевые слова: язык, речь, лингвопсихологический тип, трикстер.

Трикстер — шут, пересмешиник; тот, кто ставит все с ног на голову, высмеивает великих и заставляет усомниться в очевидном. Известно: от великого до смешного лишь один шаг. Как правило, это шаг вперед, за границы изведенного. Важность трикстера в любом серьезном деле известна давно. Меркурий, Локки, Иван-дурак — классические трикстеры.

«Чёрная луна» О. Маркеев.

Жизнь — вещь в своей основе серьёзная. В ней есть многие вещи, с которыми шутить нельзя (семья, любовь, начальство; в одной из песен в детском фильме о приключениях Петрова и Васечкина звучит очень серьёзная мысль, которую школьница адресует своему ровеснику: «Не смей с коллективом шутить!»; и многие-многие другие). Но, в то же время, смешное или несерьёзное является не менее важной составляющей частью жизни. Если регулярно не переосмыслять неприятные, тяжёлые или имеющие общественную значимость вещи, то очень просто человек может лишиться не только душевного спокойствия, но и серьёзно заболеть психически. не только В связи с последним люди, но и общество в целом расположено к более рациональной с различных точек зрения комбинации серьёзных вещей и их несерьёзного переосмысления, нежели к сугубо деловому её восприятию. Это наблюдается не только в наличии комических жанров в различных видах искусства (комедии в театре и кинематографии, шаржей и карикатур в изобразительном искусстве и т. п.), но и в государственной системе организации увеселительных и развлекательных культурных мероприятий, выражающейся в создании таких конкретных учреждений, как цирки, комнаты смеха и т. п. Смешное, таким образом, является реверсом основных, так называемых серьёзных, отношений в обществе.

Такое положение не могло не отразиться на том, что наряду с такими серьёзными, реально существовавшими или вымышленными, общественно значимыми лицами, такими как правители, полководцы, государственные деятели важную часть культурно значимых персоналий составляют люди, несерьёзные либо по роду их профессии или рода занятий, либо живущие легко и непринуждённо независимо от того общественного положения, которое они занимали. Несомненно, к таким людям мы относимся неоднозначно. Естественно, такие проявления несерьёзного они могли демонстрировать эпизодически, но, тем не менее, данные поступки становились яркими деталями на общем фоне истории отдельного государства или человеческого общества в целом. И, несомненно, в обществе имеется образное представление о человеке, со-

вещающем серьёзные дела с несерьёзным, ёрническим отношением, буффонадой оценки таких дел или состояний. Очень удобным для номинации таких людей представляется слово ТРИКСТЕР.

Согласно данным электронного словаря Wikipedia и Online encyclopedia «Кругосвет», трикстер характеризуется лукавством, хитроумием, коварством, жестокостью, способностью к трансформациям или перевоплощению [http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/TRIKSTER.html/]. В английском языке данный концепт имеет следующее определение: „A trikster is a god, goddess, spirit, man, woman or anthropomorphic animal who plays tricks or otherwise disobeys normal rules and conventional behaviour“ [<http://en.wikipedia.org/wiki/Trickster>].

Следует отметить, что русскоязычный термин «трикстер» получил свою интерпретацию и в сфере лингвокультуроведения. Так, описывая различные типы «английских чудаков», В. И. Карасик и Е. А. Ярмахова так характеризуют Тони и Сэма Уэллеров «Отец и сын Уэллеры – это герои-трикстеры, веселые проказники, часто попадающие в затруднительное положение, но не унывающие и умеющие дать происходящему философскую оценку» [2, с. 96].

Как можно увидеть из эпиграфа к настоящей статье, определение понятия, или, точнее, концепта ТРИКСТЕР не представляет особой сложности к его пониманию. Несложна и его этимология; любому человеку, знающему английский язык на элементарном уровне, понятно, что это существительное образовано присоединением к основе существительного *trick* («трюк, неожиданный ход речи или действий») суффикса – *ster*, передающего, как правило, отрицательные оценочные коннотации (так, по крайней мере, считает И. В. Арнольд [1, с. 97 – 99]). Тем не менее, следует отметить, что этот суффикс может образовывать и вполне нейтральные субстантивы [3, с. 99 – 100]. На наш взгляд, это не случайно, поскольку концепт ТРИКСТЕР представляет собой более сложное образование, нежели простое понимание ШУТА.

Очевидно, рассмотрение данного концепта следует начать с того, что на его примере как нигде более очевидно обнаруживается подтверждение тезиса о том, что понятия «концепт» и «языковое значение» ни в коем случае нельзя смешивать, поскольку последнее намного уже, нежели первое уже хотя бы потому, что «трикстерство» не обязательно может быть выражено языковыми средствами, хотя чаще всего его мотивационной основой являются, в первую очередь, речевые действия. Такими классическими примерами немого трикстерства являются, безусловно, Чарли Чаплин, известные клоуны, а в нашей стране – артисты-мимы типа таких творческих групп, как «Лицедеи» и «Маски-шоу», хотя, конечно, последняя представляет собой не столько трикстерский коллектив, сколько ёрничанье, лишённое серьёзной концептуальной основы и направленное на достаточно низкий уровень эстетического восприятия. В то же время трикстер – это также и более широкое понятие, чем МИМ, поскольку он, как правило, озвучивает свои трюки.

Чтобы лучше осознать содержание этого концепта, необходимо установить его существенные признаки. Таковыми, на наш взгляд, являются следующие:

- трикстер – это не эпизодические или даже достаточно частые проявления ёрнического отношения к отдельным фактам и событиям действительности; это, скорее, образ жизни или составная его часть, например, профессия. Исторически в русской общей и религиозной культуре данную нишу составляли монахи, нищие или иные подвижники, оставлявшие простые мирские удобства, намеренно подвергающие себя страданиям и лишениям, но не избегающие человеческого общества, как, например, преподобная Мария Египетская, – иными словами, ЮРОДИВЫЕ.

Данный концепт нуждается в дополнительной интерпретации, поскольку в русской православной патрологии, фольклоре и художественной литературе существуют имеющие существенные различия образы юродивых.

Несомненно, классическим юродивым является Василий Блаженный, не только отмеченный как реальное историческое лицо, но и достаточно выразительно изобра-

жённый А. К. Толстым в повести «Князь Серебряный». Поскольку художественные образы определённой литературной традиции являются составной частью общей системы общественных отношений, иными словами, национальной картины мира, в том числе и её языковой составляющей, представляется существенным проанализировать речевое поведение данного персонажа.

Вообще Василий (его чаще в повести именуют просто «Вася») появляется в произведении лишь два раза – во время приближения Никиты Серебряного к дому Морозова и во время казни Коршуна, Басмановых, Вяземского, Морозова и других. Его речи немногочисленны, но они весомы в контексте всего произведения. В принципе, немногословность и в то же время многозначительность – это основная речевая характеристика Василия. Речь его обращает на себя внимание прежде всего потому, что доля повествовательных предложений в его речи меньше, нежели это характерно для обычного типа дискурса. Очень часто он использует такое риторическое средство, как вопрос вместо отрицательного или повелительного предложения, и при этом, внешне адресуя своё высказывание конкретному лицу, он в то же время говорит для всех присутствующих, например:

– Ты, ты! – сказал он [обращаясь к Серебряному], как будто удивляясь, – зачем ты здесь, между ними?

И, не дожидаясь ответа, он начал петь: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых!» [...]

– Посмотри на блаженного, – сказал он, хватаясь за узду царского коня. – Что ж не велишь казнить и блаженного? Чем Вася хуже других?

Начиная с XIX в., в русской художественной литературе появляются трикстеры иного рода. Они грамотны, эрудированны, умны в житейском смысле этого слова. Прототипическим трикстером такого склада можно считать Георгия Печорина. Он ставит в идиотское положение Грушницкого и княжну Мери, а также многих, кто так или иначе имеет отношение к ним – пехотного капитана, мужа Веры. «Потрикстерски» Печорин ведёт себя и с человеком, которому он многим обязан – Максиму Максимычу. Появляется новый типаж, являющийся гремучей смесью для общества. Он эгоистичен, но не трус (ср. Базарова, не боящегося стреляться на дуэли и проявляющего завидное самообладание перед лицом неминуемой смерти; также героически ведёт себя Печорин в «Фаталисте»). С приходом в русскую литературу критического реализма как основной литературной тенденции эпохи сменился и иной концептуальный тип личности – ГЕРОЙ.

В «Войне и мире» представлены два трикстера – Анатолий Курагин и Долохов. Их объединяет ЭГОИЗМ – желание жить, не считаясь с мнением окружающих людей. Тем не менее, это разные типы личности. Курагин в лазарете на поле Бородинской битвы ведёт себя как женщина, хотя, конечно, надо признать, что едва ли в тот трагический для себя момент он мог контролировать себя. В то же время резким контрастом ему является князь Андрей, претерпевающий не менее тяжкие физические и моральные страдания. Дорохов отважен, постоянно рискует жизнью в бою, но людей он не ценит (достаточно вспомнить его черствость в реакции на гибель Пети Ростова).

• Трикстер остроумен, но не всегда лукав. Он скорее простодушен, но при этом не глуп. Концепт русской культуры ДУРАК слишком широк для того, чтобы быть вмещённым в рамки концепта ТРИКСТЕР, но, тем не менее, у этих двух концептов есть очень много точек (если не сказать «пространства») соприкосновения. Если проанализировать «Народные Русские Сказки» под ред. А. Н. Афанасьева, то легко заметить, что в рамках трёх томов дурак дураку рознь. Это и дурак по собственной воле («Незнайко», «Неумойка»), и дурак людской молвой, и дурак как умственно отсталый («Набитый дурак»), и дурак внешне, а по сути богатырь («Фролка-сидень»), и дурак просто в силу особенностей поведения («Дурак и журавль»). Надо сказать, что окончательная «типология» сказочных дураков на этом не заканчивается. Внутри всякого типа дураков встречаются люди как порядочные, так и подлые, как прагматичные, так и бескорыстные, одни из них действуют откровенно, неприкрыто, в то время как

другие могут плести интриги. Но в этих сказках человек, называемый дураком, даже если действует очень рационально и прагматично, всегда делает это неприкрыто, делает это обычно напоказ, с бравადой, в то время как добрые и бескорыстные дела он обычно совершает втуне, не претендуя на награду непосредственно после совершения благого дела. Очень часто, совершив подвиг, дурак исчезает с места события, и плодами его трудов пользуется другой человек (очевидно, поэтому в русском языковом менталитете слова «дурак» и «простодушный» часто рассматриваются как синонимы).

Если сравнить традиционно простодушного русского трикстера с его западными визави, то нетрудно заметить их некоторые отличия. Проанализировав существенные характеристики классических европейских трикстеров, можно сразу отметить, что они не столь альтруистичны, как русский ДУРАК или ЮРОДИВЫЙ. Возьмём мифологических трикстеров, упомянутых в эпиграфе – представителей древнегреческого (Гермес, он же Меркурий) и древнегерманского (Локи). Гермес традиционно считается покровителем не только торговли и купцов, но и воровства, с которого он начинал свою жизнь. Злым шутником является и бог зла Локи из произведений германской мифологии.

Если взять другие европейские образы, главным образом персонажей известных произведений художественной литературы, то достаточно однозначно можно сказать, что их можно называть дураками лишь по формальным показателям. Это, в частности, такие классические образы, как персонаж одноимённого произведения Ш. де Костера Тиль Уленшпигель и Шут из «Короля Лира» У.Шекспира. Оба, будучи облачёнными в шутовские одежды, обладают фактически философским складом ума. В то же время они совершают далеко несерьёзные действия, в которых, обратно-таки, заложен глубокий философский смысл. Тем самым можно говорить о концепте, отличающемся от концепта ДУРАК – ШУТ.

Следует отметить, что и в русской фольклорно-концептуальной картине мира есть аналогичный концепт. Парадигма русских народных сказок, озаглавленная как «Шут», показывает, что русский Шут, в отличие от Дурака, не столь простодушен, часто злобен и не прощает обид. В ответ на издевательства других шутов или братьев он вынуждает их купить у него козу по несуразно высокой цене, имитируя, что большую нужду она справляет золотыми монетами, заставляет убить жён на том основании, что у него есть «плётка-живилка», которую он обратно-таки продаёт им по высокой цене, и т. п.. Конечно, Шут из «Короля Лира» показывает себя поистине преданным и бескорыстным человеком, сродни русскому Иванушке-дурачку, но это, пожалуй, единственный известный, по крайней мере, нам, случай. Другие европейские трикстеры, не обязательно связанные образом жизни с её шутовским укладом, например Панург из романа Ф. Рабле, Жиль Блас из произведения А.-Р.Лесажа, Хромой Бес у Л. Велеса де Гевара, Арлекин в итальянской «Комедии масок» и другие, гораздо более прагматичны, нежели их восточно-славянские «коллеги».

В англо-саксонской литературе также существуют образы трикстеров, имеющие свою специфику: они, как правило, неплохие философы, причём философы практического склада, реализующие свои знания для реализации реальных нужд. Выше были указаны отец и сын Уэллеры из «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч.Диккенса. Уже упомянутый шекспировский Шут, как известно, постоянно поучающий своего хозяина и изрекающий достаточно серьёзные сентенции, не является единственным представителем трикстерства. Другой, ещё более известный шекспировский персонаж, принц Датский Гамлет, тоже является трикстером, прикинувшись душевнобольным для удовлетворения собственной мести. Несколько менее известны трикстеры-детективы в рассказах Г. К. Честертона; это патер Браун и судья Черил Грант; в какой-то мере трикстером является и Эркуль Пуаро из серии произведений А. Кристи. Свои дедуктивные умозаключения они делают в необычных ситуациях, используя свои знания мира, которые едва ли можно назвать логичными. Часто для раскрытия преступлений они совершают внешне несуразные, а порой и общест-

венно порицаемые действия. Так, в рассказе «Сапфировый крест», отрывок из которого приведен ниже, отец Браун для того, чтобы навести сыщиков на след преступника Фламбо, совершает ряд таких действий. Он в кафе меняет соль и сахар, рассыпает лоток у торговца фруктами, выплескивает суп на стенку в итальянском ресторане, разбивает окно, прилюдно справляет малую нужду и пр. Это трикстеры спекулятивного, философского типа, и их высказывания отличаются, как и парадоксы О.Уайльда, глубоким содержанием при нелогичности формы, чему, впрочем, как правило впоследствии даются логические основания, например:

'How in blazes do you know all these horrors?' cried Flambeau.

The shadow of a smile crossed the round, simple face of his clerical opponent.

'Oh, by being a celibate simpleton, I suppose,' he said. 'Has it never struck you that a man who does next to nothing but hear men's real sins is not likely to be wholly unaware of human evil?'

– А вы-то откуда знаете всю эту гадость? – воскликнул Фламбо.

– Наверное, потому, что я простак-холостяк, – сказал Браун. – Вы никогда не думали, что человек, который все время слушает о грехах, должен хоть немного знать мирское зло?

Англоязычные американцы, генетические корни которых в основном тесно переплетаются с жителями Великобритании и Ирландии, успели приобрести свою специфику не только в материальных сферах в жизни. Именно благодаря особенностям своего менталитета, специфического понимания взаимоотношений Соединённых Штатов и прочих стран мира американцы сумели противопоставить себя всему миру, что во многом и объясняет негативное отношение многих европейцев, азиатов, африканцев и латиноамериканцев не только к властям этого государства, но и его рядовым гражданам. Ментальная «особость» американцев проявляется и в специфике американского трикстера. Он более сдержан в плане юмора и философии, но гораздо более прагматичен по сравнению с европейскими трикстерами. Можно сказать, что в Соединённых Штатах говорить о трикстерстве достаточно сложно, поскольку поведение и образ жизни таких людей является скорее свидетельством экстравагантности. Единственное, что объединяет американских и европейских трикстеров – это маркированный эпатаж в действиях. Чаще всего это обусловлено материальными возможностями к эпатажу: это внезапно разбогатевшие старатели, прикуривающие от сотенных банкнот (в какой-то мере это соответствует тому, что Остап Бендер называл «гусарством» в условиях Советской России), или же, напротив, крайняя скредность людей, отнюдь не нуждающихся (например, известная жадина-миллионерша, увольнявшая горничных за то, что они выбрасывали обмылки, которые, по мнению хозяйки, можно было использовать ещё несколько раз). Именно по причине нечёткости границ этого концепта применительно к условиям североамериканского менталитета трудно отыскать и подходящие прототипические литературные или исторические прототипы такого характера. Очевидно, сюда можно отнести нескольких героев произведений О.Генри, ярчайшими из которых, пожалуй, являются «благородные жулики» Энди Таккер и Джефф Питерс, проворачивающие остроумные аферы, но в итоге остающиеся у разбитого корыта. Их речь не только изобилует образными сравнениями и метафорами, неожиданными языковыми ассоциациями, но и исполнена случаями сочетания претензии на высокую эрудированность при достаточно безграмотной форме экспликации этих знаний, что вызывает ироническое отношение, в частности:

'Scientific demonstrations,' says I. 'The triumph of mind over sarsaparilla. The belief that there is no pain and sickness except that is produced when we ain't feeling well. Declare yourself in arrears. Demonstrate.'

– Пролегомены науки, – говорю я. – Победа разума над сарсапариллой [растение вида *Smilax*]. Вера в то, что болезни и страдания существуют только в нашем организме, когда вы чувствуете, что вам нездоровится. Признайте себя побежденным. Демонстрируйте!

В последнее время все чаще и чаще в исследованиях семантических характеристик дискурса исследователи наряду с текстами художественных печатных произведений используют видеоматериал, что вполне объяснимо, поскольку в текстах живого интервью, репортажа звучит живая, неподготовленная речь, а фильм является творческой интерпретацией написанного сценария, где талантливый актёр может живо преподать образ определённого психологического или социального типажа. На наш взгляд, в современной американской кинематографии есть удачный образ типичного трикстера. Это профессиональный жулик и карточный шулер Бретт Мейверик в одноимённом фильме в исполнении Мела Гибсона. Мейверик также использует образные, цветастые обороты в своей речи, находчив в ситуациях, требующих быстрого решения, для чего великолепно использует лексические, синтаксические, интонационные и прочие средства, чтобы внушить собеседнику заведомую чушь как единственно правильное решение определённой проблемы. В то же время он, как и прочие трикстеры, склонен к философствованию.

Жители Восточной Азии традиционно воспринимаются как крайне сдержанные люди. Тем самым по определению представляется едва ли возможным говорить о трикстерах в восточной культуре в целом и в восточной языковой культуре в частности. Тем не менее, в китайской классической литературе такой герой обнаруживается. Это Царь обезьян Сун У-кун из известного мифологического произведения «Путешествие на запад». Сун У-кун совершает героические поступки и в то же время параллельно ведёт себя как типичный трикстер: съедает персики бессмертия в императорском саду, ворует и съедает таблетки бессмертия, приготовленные самим Лао Цзы для приглашенных на императорский прием, срывает этот прием спаивая слуг, совершает множество других пакостей и убегает из дворца [<http://www.zhivun.ru/.200902.24/.puteshestvie-na-zapad>].

В арабском и персидском фольклоре трикстеры также являются одними из наиболее популярных персонажей. В персидской сказке «Балхский суд» трикстером является молодая женщина – девушка по имени Шахрашуб, что означает «Смута города». Это трикстер особого рода – она не просто продельывает трюки с коррумпированным судьёй и его приспешниками, она мстит за поруганную честь своего рода. Вообще в персидских сказках, как это ни странно для исламского мира, трикстерами достаточно часто являются женщины. Чаще всего их шутки направлены на мужчин, и эти шутки зачастую далеко не безобидны. Так, например, женщины спорят на волшебные вещи, кто из них сыграет лучшую шутку со своим мужем, и одна из них заставляет мужа – почтенного судью – уйти в мечеть (аналог европейского «уйти в монастырь»). В сказке «Сакине» (собственное имя героини) девушка, обнаружив разбойника, переодевшегося женщиной, заставляет «тётушку» при всех пойти в баню, и там всем гаремом они ей отрезают «лишнее мясо».

В арабских сказках наиболее известным трикстером является легендарный Ходжа Насреддин, но он не является единственным в своём роде. Так, герой сказки «Ярдан Кули-бек» обводит несколько раз вокруг пальца не менее легендарного Харуна ар-Рашида, который всё время пытается помешать Ярдану проводить вечер в пирах и наслаждениях, но всё время герой сказки находит выходы из ситуации.

Таким образом, трикстер является универсальным персонажем не только фольклорных произведений, но и героем произведений многих именитых авторов практически во всём мире. Это не только просто универсальный образ, это зачастую один из либо очень популярных, либо просто любимых типов личности у многих народов как высоко цивилизованного, так и не очень цивилизованного мира. И одной из наиболее ярких характеристик трикстера как социально-психологического типа является его речь.

Общий лингвистический анализ рассмотренных случаев персонажной речи трикстеров отмечает прежде всего такие их общие черты, как прагматико-стилистические модели построения речи в речевом взаимодействии с оппонентами и

партнёрами. Одной из наиболее типичных моделей «трикстерской» речи является ирония, исполненная речевых парадоксов – обыгрывания неоднозначности словосочетаний, каламбуров и прочих видов игры слов, – рассчитанная на то, чтобы использовать речь оппонента в своих целях, например:

Приятный звучный и очень настойчивый баритон послышался из ложи N 2:

– Все-таки желательно, гражданин артист, чтобы вы незамедлительно **разоблачили** бы перед зрителями технику ваших фокусов, в особенности фокус с денежными бумажками. Желательно также и возвращение конферансье на сцену. Судьба его волнует зрителей.

– Пardon! – отозвался Фагот, – я извиняюсь, здесь **разоблачать** нечего, все ясно.

– Нет, виноват! **Разоблачение** совершенно необходимо. Без этого ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление. Зрительская масса требует объяснения.

– Зрительская масса, – перебил Семплеярова наглый гаер, – как будто ничего не заявляла? Но, принимая во внимание ваше глубокоуважаемое желание, Аркадий Аполлонович, я, так и быть, **произведу разоблачение**. Но для этого разрежьте еще один крохотный номерок?

– Отчего же, – покровительственно ответил Аркадий Аполлонович, – но непременно с разоблачением!

– Слушаюсь, слушаюсь. Итак, позвольте вас спросить, где вы были вчера вечером, Аркадий Аполлонович? ... (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Любителям творчества М. А. Булгакова несомненно помнят, чем закончилось разоблачение вечерних походов Аркадия Аполлоновича. С точки зрения исследования речевых стратегий и тактик здесь обращает на себя многократный повтор в пределах достаточно ограниченного контекстуального участка одной и той же лексической единицы. Построение речи Коровьева-Фагота является типичным для трикстера. С одной стороны, это демонстративно учтивая, доходящая до «галантерейного» статуса речь. С другой стороны, при всей внешней любезности и вежливости автор-трикстер позволяет себе перебивать своего визави, говорить колкости, язвить и т. п. В данном примере такое комбинированное речевое «антидействие» выражено анафорой *Зрительская масса...*

Собственно «речевой трикстеризм» может быть свойственен и людям, в основном ведущим себя в жизни серьёзно, занимающим иногда достаточно ответственные позиции в обществе. Так, в повести В. О. Богомолова «Момент истины» опытный оперативник, капитан СМЕРШа Павел Алёхин, пытаясь «прокачать» (т. е. выяснить лицо) шпиона и тем самым определить его потенциальную возможность сопротивляться) группу из трёх парашютистов-диверсантов, прибегает к стратегии «трикстерства», которая в результате оказывается наиболее эффективной. Приведённый фрагмент речи Алёхина, который под видом помощника патруля разговаривает с диверсантами, показывает типичные для трикстера речевые приёмы в его речи:

Развернув сложенный вчетверо белый листок – справку о ранении, – Алёхин, улыбаясь, заметил старшему лейтенанту:

– А мы с вами, как говорится, эта... земляки... В одном госпитале лежали... Я ведь там тоже... около месяца... по болезни...

Он снова посмотрел на справку и, чуть помедля, доверительно сообщил:

– У меня там в госпитале женщина была... Повариха!.. Красивая и гладкая, одно слово – краля! И солидная, как генеральша! Во!.. – Он широко развел руками на уровне бедер, показывая "солидность" поварихи, и лицо его сделалось мечтательно-довольным. – Достойная женщина!.. Может, знаете, Лизавета, младший сержант?

– Нет, не знаю, – после некоторой, пожалуй, излишне затянутой паузы угрюмо сказал старший лейтенант. – Я поварихами не интересовался!

– Оно так... оно верно... – понимающе вздохнул Алёхин и опять уставился в документы (В. Богомолов. Момент истины).

Следует отметить, что речевое поведение трикстера в настоящее время является одной из распространённых моделей речевого поведения не только так называемой «элиты», «светской тусовки», но и людей, занимающих важные посты в политике, экономике, силовых структурах и даже в науке и образовании. Типичными «речевыми трикстерами» могут выступать лидеры партий или государств. В какой-то мере это повлияло и на то, что многие руководители на постсоветском пространстве стали перенимать фатовской, «трикстерный» способ общения с людьми, особенно с подчинёнными. Особенно это распространено среди руководства частных предприятий и учреждений, но вирус трикстеризма проник и в государственную систему. На первый взгляд, данное явление внешне выглядит достаточно безобидным, однако нетрудно заметить, что оно является составной частью современного речевого нигилизма и бескультурия, к имиджу современного руководителя прибавляет мало приятного.

Возвращаясь к характеристикам трикстерской речи, следует отметить, что указанные для русской речи такого типа характеристики свойственны и другим языкам; иными словами, это универсальные характеристики. Но их универсализм обусловлен, на наш взгляд, не столько собственно языковыми особенностями, сколько общеповеденческими факторами. Иными словами, трикстер – это не просто языковая личность, это универсально-языковая личность. Достаточно сравнить речевое поведение Корольева-Фагота и другого знаменитого трикстера, Тиля Уленшпигеля, чтобы увидеть черты подобия указанных речевых тактик:

– *Heilige Majesteit, ik zal U noch geld, noch erfgoederen, noch het leven vragen, doch enkel iets voor hetwelk gij beloven moet, als ik zoo spreken durf, mij niet te zullen doen geeselen of radbraken, vóór dat ik naar de andere wereld vertrek.*

– *Dat beloof ik, sprak de keizer.*

– *Majesteit, zei Uilenspiegel, ik vraag dat, vóór ik gehangen worde, gij mijnen mond komt kussen met denwelken ik geen Vlaamsch spreke....*

– *Ваше святейшее величество, - начал Уленшпигель, - я не прошу ни денег, ни поместий, не прошу даже о помиловании, - я прошу вас только об одном, за каковую мою просьбу вы уж не бичуйте и не колесуйте меня – ведь я и так скоро отойду к праотцам.*

– *Обещаю, - сказал император.*

– *Ваше величество! – продолжал Уленшпигель. – Прежде чем меня повесят, подойдите, пожалуйста, ко мне и поцелуйте меня в те уста, которыми я не говорю по-фламандски.*

Как нетрудно заметить, вся внешняя елейность речи Уленшпигеля перед лицом смерти полностью компенсируется неоднозначной семантикой этой внешне суперделкатной речи – король, который обязан выполнить последнее желание казнимого, ставится в не допускающее какую-либо иную интерпретацию и тем самым практически безвыходное положение: либо поцеловать при всём народе Уленшпигеля в известное место и казнить его, либо отпустить его. Таким образом, можно вывести следующую важную характеристику трикстерской речи – трикстер соблюдает приличную форму своей речи, в то же время чётко учитывая её семантические параметры исходя из прагматических целей и задач. Трикстер – это прежде всего мастер речевого акта, чётко соблюдающий органическое единство иллокутивных и перлокутивных факторов, эффективно прогнозирующий результат своего речевого действия и извлекающий из неё максимум выгод для себя.

Тема трикстера (впрочем, как и других лингвopsихологических типов) практически неисчерпаема, и при этом она находится ещё у самых истоков. Полезность её дальнейшей разработки состоит в том, что она позволяет выработать лингвopsихологическую модель анализа основного интерпретанта субъективного оценочного воздействия – человека, говорящего на определённом языке и использующего его особенно-сти, личный жизненный опыт и индивидуальные поведенческие характеристики для того, чтобы достичь максимального прагматического эффекта от своих речевых и неречевых действий.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 3-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., 1986. – 295 с.
2. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «английский чудак» : монография / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
3. Чекулай И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис.... д-ра филол.наук 10.02.04-германские языки / И. В. Чекулай. – Белгород, 2006. – 473 с.

“TRICKSTER” AS A LINGUO-PSYCHOLOGICAL TYPE AND ITS LINGUISTIC REPRESENTATION IN THE SPACE OF FICTION

I. V. Chekulai
O. N. Prokhorova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

The notion of a language personality suggests its complex structure which combines the individual psychological parameters and his or her language and speech competence. The lingo-psychological type is one of the immediate components of this compound structure. The article deals with the peculiarities of the trickster as of a lingo-psychological type.

Key words: language, speech, lingo-psychological type, trickster.